

УДК 811.161.1

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.6

Научная статья

Т. П. Рогожникова¹

✉ pmtr@mail.ru

¹Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Стилистика частно-деловой переписки XVII века: начальный формуляр

Аннотация: В статье исследуется начальный компонент частно-управленческой переписки как переходной формы деловой разновидности литературного языка XVII века – периода становления норм деловой письменности и эпистолярного жанра. Начальный формуляр рассматривается на материале начального протокола посланий из фонда А. И. Безобразова, отражающих широкий и разнообразный в социальном плане круг коммуникации, многоаспектность и хронологическую протяженность его деятельности. Объектом исследования являются начальные структурные элементы частно-управленческих по своей функциональной направленности деловых текстов из указанного фонда, предметом – начальный формуляр с типологическим набором формул и системой их языковых репрезентантов, коммуникативно-прагматическая детерминированность состава формул, отбора и организации языковых средств. Материал исследуется в историко-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. Выявлены особенности начального формуляра в зависимости от нескольких факторов: характера адресата и адресанта, целей данных посланий и др. Продемонстрирована лексическая и грамматическая вариативность состава формул начального формуляра. Выявлена обусловленность употребления средств из потенциала письменных разновидностей рассматриваемого периода коммуникативно-прагматическими и социокультурными обстоятельствами (степень близости коммуникантов, родственные связи, субординация, зависимость и пр.).

Ключевые слова: язык XVII века, частно-деловая переписка, начальный протокол.

Дата поступления статьи: 19 декабря 2023 г.

Для цитирования: Рогожникова Т. П. (2024) Стилистика частно-деловой переписки XVII века: начальный формуляр. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 1, с. 62–72. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.6.

Scientific article

T. P. Rogozhnikova¹

✉ pmtr@mail.ru

¹Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Stylistics of private and business correspondence of the 17th century: initial set form

Abstract: The article examines the initial component of private-administrative correspondence as a transitional form of a business type of literary language of the 17th century - the period of the formation of business writing standards and the epistolary genre. The initial form is considered based on the material of the initial protocol of messages from the A. I. Bezobrazov fund, reflecting a wide and socially diverse circle of communication, the multifaceted nature and chronological extent of his activities. The object of the study is the initial structural elements of private-administrative business texts from the specified fund in their functional orientation. The subject is the initial form with a typological set of formulas and a system of their linguistic representatives, the communicative and pragmatic determinism of the composition of formulas and the selection and organization of linguistic means. The material is studied in historical-stylistic and communicative-pragmatic aspects. The features of the initial form are revealed depending on several factors: the nature of the addressee and addressee, the purposes of these messages, etc. The lexical and grammatical variability in the composition of the formulas of the initial form is demonstrated. The use of means based on the potential of the written varieties of the period under consideration is determined by communicative-pragmatic and sociocultural circumstances (the degree of closeness of communicants, family ties, subordination, dependence, etc.).

Keywords: language of the 17th century, private business correspondence, initial protocol.

Paper submitted: December 19, 2023.

For citation: Rogozhnikova T. P. (2024) Stylistics of private and business correspondence of the 17th century: initial set form. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 1, pp. 62–72. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.6.

Введение

О большом значении деловой письменности XVII века для истории русского языка, как народно-разговорного, так и литературного, в отечественном языкознании говорилось уже достаточно подробно (Котков, 1980; Котков, 1991; Никитин, 2004; Волков 2006; Майоров, 2006; и др.). Отмечалось также, что XVII век характеризуется интенсивным развитием деловой переписки, которая по своей функциональной значимости делится на официально-деловую и частно-деловую. Первая разновидность (общегосударственная, правительственная) отличается большей тщательностью литературной обработки, более слабым проникновением в деловые акты элементов живой разговорной речи. Частно-деловая переписка представляет отношения между землевладельцами и их приказчиками, крестьянами, а также между лицами, принадлежащими одной социальной группе или одной семье. Показательно в связи с дифференциацией видов переписки формальное различие в номинации жанра деловой корреспонденции. Так, *грамота* употребляется в значении 'деловое письмо распорядительного характера из центрального учреждения в местные учреждения и к должностным лицам' (Качалкин, 2002). Применительно к частно-деловой переписке использовался народный-разговорный вариант *грамотка*, передающий сниженную степень официальности письма-послания.

Содержание этих писем («грамоток») не уместилось в рамки приказной разновидности, сложившейся в московской деловой письменности к XVII веку в качестве официальной: проникновение живой речи в деловую в грамотках становится более интенсивным. Указанная тенденция придает частно-деловым документам особую научную значимость как в аспекте истории литературного языка, так и в русле исторической жанрологии, диахронической социолингвистики и лингвокультурологии (Картавенко, 2019). Так, роль русского эпистолярия XVII века (и официального, и неофициального) рассматривается как инструмент, использовавшийся во всех сферах жизни русского общества и являвшийся ключевым средством управления (ведение разного рода дел, способом осуществления личных, семейных, социальных связей (Новохатко, 2018). При этом «очевидной и традиционной функцией частной переписки в России XVII века была коммуникационная» (Новохатко, 2019, с. 326). Несмотря на признание актуальности рассматриваемого круга источников для отечественной медиевистики, язык частно-деловых документов практически не изучен, что сообщает настоящей статье актуальность и новизну.

В исследованиях по деловой корреспонденции средневековой России общепризнанным является наличие в документах формуляра – определенной языковой оболочки (набора устойчивых и обязательных словосочетаний, предложений, то есть формул), оболочки, в которую облакалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но другую цель. Приемы построения формуляра отражали традиционно сложившиеся способы оформления данной группы документов, степень их литературной обработанности. В исследованиях по деловой письменности XVII века материалом обычно является основная часть грамоток, поскольку начальный их протокол традиционно считается элементом консервативным и устойчивым (Ларин, 2005). Однако широкое распространение хозяйственной переписки, в которую включались представители разных социальных групп, имеющие неодинаковую степень образованности, а также возраставшее многообразие функций грамоток не могло не повлиять на их формуляр.

Как предмет изучения формуляра частной переписки интересен прежде всего начальный протокол, поскольку, вследствие своеобразного сочетания в переписке жанровых особенностей грамот и собственно эпистолярного жанра, он составляет очень важный элемент посланий, часто даже превышающий по объему основную часть. Между тем конечный протокол сводится часто к указанию даты написания грамотки или к обычной челобитной нераспространенной формуле.

Разнообразным в жанровом отношении материалом остается частно-деловая переписка А. И. Безобразова – стольника, имевшего вотчины в различных российских уездах. Хронологические рамки переписки определяются временем хозяйственной деятельности А. И. Безобразова – с середины XVII века до 1790 года. Фонд включает послания самого вотчинника своим управляющим, челобитные от крепостных, переписку с родственниками, содержащую деловые сообщения, и др. Этот материал позволяет проследить особенности начального протокола в зависимости от нескольких факторов: характера адресата и адресанта, целей данных посланий и др. Таким образом, объектом исследования статьи являются начальные структурные элементы частно-управленческих по своей функциональной направленности деловых текстов из указанного фонда, предметом – начальный формуляр с типологическим набором формул и системой их языковых репрезентантов, коммуникативно-прагматическая детерминированность состава формул, отбора и организации языковых средств.

Методы

Теоретической основой исследования является концепция В. В. Колесова о формульности средневекового текста и постепенного высвобождения слова из формулы-синтагмы (Колесов, 2023). Основным подходом к исследованию материала деловых памятников в настоящей статье является синтез историко-стилистического и коммуникативно-прагматического анализа. Историческая стилистика понимается вслед за стилистами-классиками как «закономерности функционирования языка в различных сферах общения – в функциональных стилях и иных речевых образованиях – в процессе их формирования и развития на разных этапах истории языка, создающих стилевую специфику того или иного функционального стиля» (Кожина, 2006, с. 418). Историко-стилистическая научная парадигма применяется в работе скорее как методология изучения, позволяющая увидеть функциональный стиль в развитии, обусловленном как внутри-, так и внелингвистическими факторами развития литературного языка.

Коммуникативно-прагматический подход в сочетании с лингвистическим можно трактовать как комплексную методику исследования языка документа той или иной эпохи. В этом случае целесообразной представляется опора на достижения современной документной лингвистики. Определим основные понятия документной лингвистики, методически существенные для нашего исследования. Во-первых, это документный коммуникативный процесс как система по установленным правилам, а также действий, обеспечивающих обмен информацией и проходящих в формах, приемлемых для участников данного процесса. Во-вторых, понятие типовой речевой ситуации – устойчивой модели, включающей субъекты речевой деятельности («адресант» и «адресат») и связанные с ними характеристики: «цель», «намерение», «социальная роль», «выбор принятых языковых средств». Существенными для типовой документной ситуации являются отношения между характером ситуации и речевым поведением субъектов коммуникации, между однотипными ситуациями и выбором видовых групп знаковых средств, между повторяющимися реальными ситуациями и видами текстов (Кушнерук, 2016, с. 22–28). Следует признать продуктивными принципы, подходы, методы и методики анализа делового приказного документа, примененные в исследованиях (Кортава, 1998; Зиновьева, 2000; Малышева, 2003; Баракова, 2003; Пирогова, 2011; Выхрыстюк, 2013; и др.). Обобщенно ход исследования можно представить в виде схемы: источниковедческий анализ документа – жанрово-стилистическая характеристика – характеристика структуры, формуляра структурных частей и языковое наполнение формул.

Результаты

Внутри частно-деловой переписки фонда можно выделить жанровые разновидности: частно-управленческая переписка (142 грамотки), челобитные (92) и собственно частная переписка. С целью выявления особенностей выражения начального протокола, характера его варьирования обратимся к наиболее полно представленной в указанном материале частно-управлен-

ческой переписке, в которой состояли вотчинник и его помощники, другие землевладельцы, а также его родственники. Содержание этих актов – сообщения о хозяйственных делах, доклады, отчеты и т. д.¹

1. Начальный протокол, первая формула которого – челобитье. Формула-челобитье содержит три элемента: «адресат» (имя существительное в сочетании с именем собственным в дательном падеже) – «адресант» (имя собственное с патронимом в именительном падеже) – выражение *челомъ бьетъ*. При основных элементах могут быть распространители, например: *Государю моему Андрею Ильичу – старостишка твои Федка Григорьев – челом бьет* (89, с. 54); *Государю моему ко мне милостивому Мине Кириловичю – искатель твоего жалованя Иленка Безобразов – челом бьет* (48, с. 34).

2. Начальный протокол второго типа начинается с формулы «обращение к адресату», включающей два элемента: «адресат» (в форме обращения с включением имени собственного с патронимом) и «пожелание благополучия»: *Милостивои государь мои ко мне – князь Василеи Васильевъ здравствуи о Христе на веки и пребываи во всяких радостях и с теми хто тебе государю моему всякова добра желаетъ и здаровья твоего остерегает* (26, с.19).

Рассмотрим приведенные типы начального протокола подробнее. Первый характерен для грамоток, написанных А. И. Безобразову подчиненными (управляющими на местах, старостами, приказчиками и пр.). Поскольку все эти лица были зависимы от воли А. И. Безобразова, то, помимо сообщения вотчиннику информации о хозяйственных делах, они старались воздействовать на чувства адресата, вызвать достойную оценку их усердия. В подобных посланиях часто содержатся личные просьбы авторов. Следовательно, использование образца протокольных формул челобитья в приведенных примерах и означенных ситуациях вполне оправданно, поскольку в документах этого жанра уже были выработаны лексико-фразеологические, композиционные и стилистические средства, соответствующие коммуникативной задаче челобитных. Подобные формулы использованы в посланиях, адресант которых – младший родственник (это могут быть дети, племянники, младшие братья), а адресат – отец, дядя или старший брат. Безусловно, челобитье в данном контексте – только этикетная формула, но формула, несущая коннотативную нагрузку: это своеобразный стилистический прием автора, направленный на демонстрацию проявления уважения, почтения и покорности младших по отношению к старшим. В грамотках же, написанных старостами вотчинных деревень, начальный протокол сводится исключительно к челобитью: *Государю моему Андрею Ильичю старостишка твои Федка Григорьев челом бьет*. Далее следует основное содержание грамотки. Начальный протокол остальных частно-управленческих документов первого типа гораздо обширнее. Он включает в себя, помимо формулы челобитья, «пожелание здоровья и благополучия», «просьбу адресанта к адресату извещать о своем здоровье», то есть просьбу ответить на послание, «упоминание родных и близких». Во всех четырех формулах наблюдается вариативность используемых лексических средств и синтаксических конструкций, особенно в последних трех формулах, при всем их функциональном и смысловом единообразии.

Рассмотрим каждую формулу в отдельности. Челобитье содержит три элемента: «адресат» – «адресант» – «собственно челобитье». Группа «адресат» выражена именем собственным (имя у духовных лиц, имя с отчеством – у светских), а также словами, передающими титулы адресата. Адресат чаще всего назван существительным *государь* в значении ‘владелец, хозяин’, употребленным в форме дательного падежа. В большинстве случаев с этим существительным согласовано местоимение *мои*. Кроме того, могут присоединяться почетные или наследственные титулы данного лица (*князь*), но такое присоединение является факультативным. В случае, если участники переписки – родственники, в группу адресата дополнительно включены соответствующие термины родства (*батюшка, брат, дядюшка*), согласованные с именем и титулом адресата. Иногда слова *батюшка, отец* выступают в значении ‘покровитель, заступник’. Такие

¹В ходе анализа ссылки на источник даются в круглых скобках с указанием номера документа и страницы в следующем издании: Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (Из фонда А. И. Безобразова) / Под ред. С. И. Коткова и Н. И. Тарабасова (1965). М. : Изд-во «Наука», 1965. 166 с.

случаи характерны для грамоток, авторами которых выступают управляющие из числа «вскормленников» А. И. Безобразова. Обращение *государь* может конкретизироваться различными при знаками (*благодетель милосердаи и многомилостивои*), усиливающими эмоциональное воздействие на адресата. Аналогичные функции у наименований *добротворитель* (10, с. 63), *добродеец* (35, с. 26), *кормилец* (52, с. 36) – слов, в значении которых содержится сема ‘делающий добро’, предполагающая перенесение этого действия на автора послания. Употребление наименований *добротворитель*, *добродеец*, *кормилец* характеризуется социальной дифференциацией: в рассмотренных памятниках употребляются в тех грамотках, адресатом которых и автором являются представители либо одного с А. И. Безобразовым социального статуса, либо важные государственные лица; наименование *кормилецъ* употребляют при обращении к своему благодетелю авторы грамоток, находящиеся у него на службе, например, управляющие вотчинами из его воспитанников (система «кормления»). Социальный статус этих адресантов, естественно, ниже, чем у А. И. Безобразова. Здесь слово *кормилец* усиливает субординацию адресата и адресанта, но вместе с тем подчеркивает и их связь. Кроме того, три рассмотренных слова различаются стилистически: последнее нейтрально по отношению к книжным *благодетель* и *добродеец*, что также вполне объяснимо с социальной точки зрения. В переписке А. И. Безобразова с его друзьями и знакомыми встречается обращение *приятель* в значении ‘друг, сторонник’, известном из древнерусских памятников старшей поры, то есть вновь эксплицирована связь с адресатом: он принимает чью-то сторону, является чьим-то единомышленником.

Группа «адресант» представлена, во-первых, именем собственным – антропонимом, во-вторых, формулой «покорности и зависимости». Этот топос изначально был присущ книжным текстам, авторы которых заимствовали его из византийской литературной традиции. Однако в грамотках к уничижительности добавляется социальная зависимость: *Государю моему милостивому батьку Андрею Ильичю вскормленник государь твоеи пространной трапезы Мишка Борцов челом бьет* (81, с. 51). Антропоним в уничижительно-пренебрежительной форме – способ выражения, пришедший из просторечия (ср. оформление топоса в книжных текстах главным образом с помощью прилагательных *худыи*, *недостойныи* и т. п.). В некоторых случаях фамилия заменяется прозвищем. Эти сведения об авторе грамотки могут сопровождаться выражением покорности с помощью книжной формулы: *вскормленник государь твоеи пространной трапезы*. Автор и в этом элементе начального протокола пытается представить в преувеличенном виде значимость и вес адресата. В грамотках родственников данная формула может заменяться терминами родства, употребленными в уменьшительно-ласкательной форме или пренебрежительной форме. Синтаксически формула является приложением к имени собственному и характеризуется постоянной препозицией по отношению к подлежащему.

В исследуемом материале встречаются лексические варианты формул «покорности и зависимости»: *ускормленник твои* (40, с. 30), *искатель твоего жалованья* (46, с. 32), *раб милости твоеи* и *вскормленник богатые твоя трапезы* (125, с. 73), *раб милости твоеи* (55, с. 37). Такими формулами пользовались в основном управляющие вотчинами А. И. Безобразова, подчеркивая тем самым свою зависимость от него. В грамотках, написанных А. И. Безобразовым к различным именитым персонам, в частности к М. К. Грязеву или князю Шеховскому, встречается формула *искатель твоего жалованья*, построенная по книжному образцу, где ключевое слово имеет «высокий» суффикс *-тель*, а зависимое представляет собой отглагольное существительное с суффиксом *-ий*. Эту же форму используют и авторы посланий, социальный статус которых ниже статуса адресата, но образованность достаточно высока. Например, ее употребляет Савка Богданов, профессиональный подьячий Белевской приказной избы. Таким образом, приведенная формула достаточно универсальна. В формулах *раб подножия ног твоих*, *раб милости твоя* слово *раб* употреблено в значении ‘безусловно покорный’, известном из книжных текстов. Такие формулы используются при переписке лиц разного социального статуса. В грамотках одного и того же автора могут встречаться разные варианты одной формулы, или же она может вообще опускаться, как, например, в грамотках Савки Богданова. Профессиональное владение приказ-

но-деловыми нормами позволяет ему в нужных случаях освобождать стиль от излишней отягощенности архаичными книжными оборотами. В случаях, когда авторами грамоток являются иностранцы, формулы зависимости и покорности отсутствуют. Они заменяются указанием на иностранное происхождение адресанта: *Милостивому государю благодетелю Андрею Ильичу иноземец Вихлянку Фрей челом бьет* (192, с. 104). Видимо, грамотка была составлена в канцелярии подьячим, который иностранное имя подчиняет норме русской деловой письменности. Формула зависимости имеет еще один вариант – *сирота твои*, иногда заменяемый словами *крестьянничко, старостишка*. Таким способом осуществляется трансформация: замена пассивного архаичного элемента *сирота* в этикетном значении социально конкретизирующим наименованием в прямом значении. Данные формулы выступают одновременно как эмоционально-экспрессивные, и как стилистические (просторечные либо книжные). В грамотках могут также содержаться сведения о профессии адресанта, о выполнении им служебных обязанностей, о месте его службы. Располагаются эти сведения обычно между формулой зависимости и именем адресанта: *Государю Андрею Ильичу рабъ подножия ног твоих белевские приказные избы подьячеи Савка Богданов челомъ бьет* (74, с. 47). Подобные случаи встречаются редко, поскольку для постоянного адресата данная информация была излишней.

При сопоставлении способов выражения «адресата» и «адресанта» выявляются следующие закономерности: стремление отразить иерархию «адресат – адресант» выражено композиционно в расположении на первом месте группы адресата и лексически – в употреблении слов с символическим значением, абстрактной семантикой, наконец, стилистически – в употреблении книжных фразеологизмов, в использовании книжных словообразовательных моделей. Группа адресанта распадается на две части: первая связана с адресатом, поэтому здесь присутствуют книжные средства выражения, вторая – собственно наименование адресанта, выраженное в уничижительной форме с помощью разговорных средств, что проявляется преимущественно на словообразовательном уровне.

Третий элемент начального протокола первого типа – «челобитье» – выражается фразеологизмом *челом бьет*. Устойчивое сочетание, как известно, восходит к рубежу XIII–XIV вв., передавая значение ‘кланяться до земли’, затем его семантика развивается на основе метонимического переноса, все более абстрагируясь: в деловой письменности XIV–XVI вв. выражение характеризуется значениями ‘обращаться почтительно, кланяясь земно’, ‘просить’, ‘жаловаться’, ‘предъявлять иск’, ‘сообщать’ (как в формуляре, так и вне его). В частной переписке фразеологизм выступает в значении ‘приветствовать’, ‘благодарить’, ‘преподносить в дар’, ‘прощаться’ (в концовках эпистол). В отличие от собственно челобитных, в грамотках данная формула располагается не между сведениями об адресате и адресанте, а после них, причем постпозиция обязательна.

Следующий элемент – «пожелание здоровья и благополучия». Эта формула характерна для эпистолярного жанра, в рассматриваемом круге источников выражена глаголом повелительного (пожелательного) наклонения, обращением к адресату и уточнением: *Здравствуй государь мои дядюшка на многие лета* (40, с. 30); *Здравствуй государь со всею твоим праведным домом*. Существительное *дом* в приведенных примерах употреблено в значении ‘семья, домочадцы’. Варьирование формулы проявляется в распространении ключевых слов, использовании другой грамматической формы или словообразовательной модели, имеющей книжную стилистическую окраску. Так, наряду с употреблением глагольной формы *здравствуй* встречаются книжные сложные конструкции *буди здрав* (10, с. 14), *подаи бог тебе здоровье* (88, с. 54), аналитически передающие аналогичный смысл. Обращение *государь* может уточняться различными признаками, перекликающимися по значению с группой адресата в формуле *милостиво кормилец* (52, с. 36), но в деловой переписке такие случаи редки. Выражение *на многие лета* в некоторых грамотках сопровождается прилагательным *нещетные* или заменяется наречием *многолетно*. Если автор грамотки был хорошо знаком с адресатом, то при пожелании здоровья государю упоминалась и его супруга, иногда другие родственники: *Здравствуй государь на многа лет и з государынею*

нашею милостивою маткою Огафьею Васильевною (81, с. 51). Здесь значение слова *матка* аналогично *батка* – ‘покровительница, заступница’. Восточнославянское *государыня*, просторечное *матка* сочетаются в одном контексте с книжной формой творительного падежа (полная форма окончания).

Возможно и отсутствие данной формулы в составе грамоток, но в этом случае утрата восполняется за счет расширения состава следующей формулы, смысл которой в достаточной степени конкретизирован, – формулы «просьба к адресату об отклике», имеющей следующую структуру: первая часть – с глаголом в повелительном (пожелательном) наклонении (*А ко мне государь пожалуи прикажи писать про свое многолетное здоровье* (46, с. 32)); вторая часть вариативна – либо начинается с союзного слова *как* (*как вас государеи нашихъ всецедрыи владыка милостию своею хранитъ*), либо с союза *а* (*а я о том слышати всегда желаю*) (173, с. 95). При семантическом, функциональном единообразии данного элемента начального протокола наблюдается вариативность лексических и синтаксических средств его оформления. Первая часть более канонична, вторая допускает два варианта, которые, в свою очередь, могут иметь различное оформление. Первая часть структурирована глагольными формами *пожалуи – прикажи – писать*, далее инфинитив распространяется предложно-падежным сочетанием. Вторая часть содержит двусоставное предложение с глаголом-сказуемым в презенсе и предложно-падежную форму существительного с согласованным определением. Указание на объект в данном случае дается дважды: обращение *государь* с притяжательным местоимением *мои* и местоимение *свои*. Отступление от данной осложненной книжной конструкции происходит за счет употребления более разговорных выражений, например: *как тебя богъ милуетъ* (47, с. 33). Примечательно, что упрощение может затронуть каждый компонент формулы, ср.: *как вас государеи наших – какъ тебя, всецедрыи владыка – бог, милостию своею хранит – милует*. Варианты, подобные приведенному, встречаются в грамотках, адресованных обычно какому-либо хорошо знакомому лицу, с которым существуют приятельские отношения, позволяющие автору обойтись без лишних этикетных условностей. Так, формула грамотки А. И. Безобразова к князю Василию Григорьевичу имеет ограниченный набор лексических средств, не содержит распространителей. В грамотках же к князю Шеховскому не опущен ни один структурный элемент, каждый из них имеет распространители, просьба к адресату извещать о своем здоровье оформлена дважды (до и после дополнительных сведений о об авторе грамотки).

Особый случай в кругу данных формул – употребление вместо наименования *бог* словосочетания *огнепарныи параклит* в грамотке Ивана Татищева к его дяде А. И. Безобразову. Грецизм *параклит* обозначает одну из ипостасей триединого божества – Святой Дух. Однако еще в старославянских текстах это слово приобрело значение ‘заступник на Страшном Суде’, а в древнерусских текстах употребляется в более общем значении – ‘утешитель’. Определение *огнепарныи* употреблено в значении ‘парящий, сходящий с небес в виде языков пламени’¹. Следует отметить, что словари фиксируют единственный в своем роде пример употребления данного прилагательного лишь на основе исследуемого источника – именно в рассматриваемом примере, что позволяет сделать вывод о значимости настоящего памятника как источника по исторической лексикологии и истории русского литературного языка. В общем контексте переписки с ее следованием канонам деловой письменности подобные изыски представляются индивидуальным способом выразить уважение и почтение к старшему родственнику: выбрано обозначение именно духа, важнейшей ипостаси, при этом прилагательное призвано усилить признак божественной энергии, исходящей от духа.

Второй вариант формулы – *Я о том слышать всегда желаю* – обязательно начинается с союза *А*, далее следует личное местоимение 1 лица единственного либо множественного числа в именительном падеже, выступающее как обозначение субъекта действия, или личное местоимение в дательном падеже (*мне*), в сочетании с частицей *бы* образующее условную конструкцию. Второй компонент данного варианта – *слышати* – может быть распространен различными способами: *желаю слышати, слышати жадни, мне бы слышати*. Интересно употребление краткого прилага-

¹Словарь русского языка XI-XVII века. Вып. 12 (О – Опарный), с. 242.

тельного жадни в значении 'хотим, жаждем': слово образовано от церковнославянского глагола жадати, форма краткого прилагательного в языке XVII века, безусловно, архаичная. Возможна также конструкция с несколькими предикативными единицами: *Мне бы про твое государя моего многолетное здоровье всечастно слышать и о бозе радоваться* (109, с. 63). В переписке *радоваться о бозе* обычно употребляется по отношению к адресату, в грамотках же данное выражение также соотносится с адресатом, но опосредовано адресантом. Желание придать торжественное звучание вступлению и деловой части письма вызывало замену инфинитива книжной отглагольной формой существительного – *слышати желатель*. В редких случаях данный вариант имеет в своем составе деепричастный оборот, еще более усложняя в целом форму выражения почтения: *Слыша про твое государя моего многолетнее здоровье радосну быть а по том бы бог очи твои государя моего в радости видит* (156, с. 87). Это единственный случай в исследуемом материале, когда начальный протокол содержит и ненормативный элемент – желание увидиться с адресатом, компенсируя таким образом формулу пожелания здоровья. Примечательно, что в другой грамотке того же автора, Ивашки Селунского, опущена первая часть просьбы, но есть пожелание здоровья. Формуляр при этом сведен к минимуму: обращение к адресату – пожелание здоровья – дополнительные сведения о себе. Возможно, грамотка написана самим Селунским, а две другие – профессиональным писцом по заказу. Пропуски указанных формул начального формуляра объясняются характером делового документа: если это было сообщение или деловой отчет, а автор его – подчиненный вотчинника, то послание освобождалось от излишней формальной этикетности.

Последний элемент начального протокола первого типа – «дополнительные сведения об адресанте» – включает сообщение о местонахождении его и о дате написания грамотки. Данные сведения выражены сложным предложением из двух частей: первая строится по схеме «*про меня – изволишь (пожалуешь, похощеши) – ведать (спросить, вспомануть, напаматовать)*», вторая – по схеме «*я – указание на место – дата – жи (обретаюся в живых по воли божеи)*». В грамотках, адресанты которых – лица, находящиеся на службе у царя, указание на это обстоятельство приводится перед указанием на место написания грамотки и возможно в кратком варианте (*на службе великого государя* (156, с. 87)) либо в более просторном (*на государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси службе* (48, с. 34)). В переписке лиц, хорошо знакомых друг с другом, или лиц, состоящих в родстве, после географических сведений возможно упоминание членов семьи, а также продолжение данной формулы конструкцией, содержание которой – упование на бога: *А впереди его всецедрого владыки воля; А впереди надежа моя Христос; А впереди бог воленъ*. В целом лексическое наполнение данной формулы носит переменный характер, устойчивыми элементами являются при этом первая часть и выражение *жив по воли божи*.

Анализ начального протокола, составляющих его элементов (формул) позволяет определить степень универсальности формул, используемых в частно-управленческой переписке, а также набор этих формул в протоколе в зависимости от коммуникативно-прагматического отношения «адресант – адресат». Наиболее универсальной формулой в грамотках с начальным протоколом первого типа («челобитье») следует признать формулу челобитья со всеми ее элементами, далее по мере ослабления обязательности следуют «пожелание здоровья и благополучия», «просьба извещать о здоровье адресата», «дополнительные сведения об адресанте».

Второй тип начального протокола – обращение к адресату и пожелание благополучия. В основном грамотки с протоколом этого типа писались А. И. Безобразову вотчинниками и друзьями. Структура начального протокола представляет собой в этом случае сочетание двух основных элементов – «адресат (обращение)» и «пожелание благополучия», причем оба элемента могут иметь распространители. Формула адресата по лексическому составу напоминает первый тип начального протокола, но оформлена как обращение: *Приятель мои государь и добродей Александра Иванович* (17, 17); *Батька мои государь братец Андреи Ильич* (68, с. 44); *Благодетель и государь мои милостивои Андреи Ильич* (211, с. 112); и др. Пожелание благополучия состоит из двух частей. Первая более консервативна, ее основа – выражение *здравствуи о Христе*

на веки, но может быть распространена путем добавления еще одного книжного выражения – *пребываи во всяких радостях* (17, с. 17). Вторая отличается факультативностью и вариативностью, поскольку представляет собой упоминание о близких адресата (родственниках, единомышленниках): *з государынею моею с супругою своею* с указанием имени собственного (219, с. 114); *з домомъ своимъ благодатнымъ* (178, с. 97); *со всеми приятели твоими на многия неисчетныя лета* (135, с. 78); *со всеми одержимыми тобою* (59, с. 56). Все близкие в начале послания соотносятся с адресатом, подчеркивается зависимость их от хозяина и адресованная ему благодарность и забота, отсюда столь частое повторение пожелания добра и здоровья: *с теми кто тебе всякого добра желает и здоровья твоего остерегает* (17, с. 17). В пределах данного элемента существует относительная свобода выражения, которая регулируется нормами данного жанра, поэтому автор пользовался устойчивыми сочетаниями по своему усмотрению. Эти формулы, как правило, книжного происхождения, ибо высокий стиль начального протокола способствовал расположению адресата грамотки к ее автору. Так можно объяснить длинные цепочки-перечисления, в которых сказывается стремление автора охватить одной фразой различные стороны жизни адресата: *Будь здоров и счастлив и неприятелем страшен и храним богом со всем своим благодатным домом* (57, с. 38).

Выводы

В результате проведенного исследования определены типизированные наборы формул и система их языковых репрезентантов, что позволяет уточнить и представления об источниках русского литературного языка и его норм, а именно норм стилистических в связи с общими тенденциями языкового развития памятников данной эпохи.

Показательно отсутствие в частно-управленческой переписке из фонда А. И. Безобразова территориальных вариантов начального протокола, равно как и диалектных особенностей как в лексическом составе формул, так и в грамматических конструкциях. В стилистическом отношении лексика и грамматические средства языкового выражения отличаются книжным происхождением. В первом типе начального протокола формула адресанта выражена в разговорной форме, в противовес высокому стилю, в котором выступают книжные, церковнославянские средства. Таким образом, начальный протокол грамоток представляет собой своего рода литературный инвариант. Книжные элементы выполняют в составе протокола разные функции в зависимости от статуса адресанта и адресата: могут, с одной стороны, выражать зависимость первого от второго и вызывать сочувствие последнего, с другой стороны – показывать безграничное уважение автора письма к его объекту.

Употребление разговорных средств выражения при этом не обусловлено социально: они встречаются в грамотках, авторами которых выступают лица разного статуса. Переход с книжных средств на разговорные имеет функциональную зависимость: во-первых, обиходные средства придавали сообщению необходимую для делового письма краткость и ясность (сообщения о делах) и соответственно эксплицировались на морфологическом и синтаксическом уровнях; во-вторых, именование адресанта в уничижительной форме выражало зависимость его от адресата и осуществлялось преимущественно на уровне словообразовательном. Кроме того, влияние живой речевой среды сказывалось на лексико-семантическом уровне: архаические формы утрачивают свое исконное значение либо изменяют его. Часто книжные формы употребляются в экспрессивной функции как риторический изыск, как демонстрация высокой образованности. В таких случаях они перестают быть формулой, элементом формуляра, а носят индивидуально-авторский характер и являют собой уже иное отношение к слову. Следовательно, сознательный переход с книжного на разговорный стиль создает третий, нейтральный стиль.

Сам факт наличия двух типов формуляра, один из которых предстает как более упрощенный, свидетельствует о развитии в деловом языке XVII столетия начального формуляра без отягощающих его сложных конструкций, формуляра, который оказался в наибольшем соответствии с коммуникативными функциями документа.

Источники

- Баракова О. В. (2003) Таможенные книги Московского государства XVII века: структура, языковое оформление. М., Московский областной педагогический университет, 239 с.
- Волков С. С. (2006) Стилевые средства деловой письменности XVII в.: На материале челобитных. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 342 с.
- Выхрыстюк М. С. (2013) Деловая письменность XVII-XVIII вв. г. Тобольска: лексико-грамматический аспект: монография. Тобольск, Тобольская государственная социально-гуманитарная академия им. Д.И. Менделеева, 328 с.
- Зиновьева Е. И. (2000) Записные кабальные книги Московского государства XVI-XVII вв.: Структура. Лексика. Фразеология. СПб., Изд-во Санкт-Петербургского университета, 200 с.
- Картавенко В. С. (2019) Социолингвистическая характеристика Смоленских памятников письменности XVI-XVII веков. Вестник Смоленского государственного университета, № 2 (46), с. 87–99.
- Качалкин А. Н. (2002) Названия допетровских деловых текстов. Русская речь, № 2, с. 73–80.
- Кожина М. Н. (2006) Стилистика историческая (диахроническая). В кн.: Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М. Н. Кожин; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. М., Флинта, Наука, 696 с.
- Колесов В. В. (2023) Древнерусский литературный язык: учебник и практикум. М., Юрайт, 333 с.
- Кортава Т. В. (1998) Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., Изд-во МГУ, 110 с.
- Котков С. И. (1980) Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., Наука, 293 с.
- Котков С. И. (1991) Источниковедческие исследования и научное издание памятников в области русского языка. В кн.: Источники по истории русского языка XI-XVII вв. М., Наука, с. 3–14.
- Кушнерук С. П. (2016) Документная лингвистика: учеб. пособие. М., ФЛИНТА, Наука, 256 с.
- Ларин Б. А. (2005) Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII века): Учебник для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. СПб., Авалон, Азбука-классика, 416 с.
- Майоров А. П. (2006) Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., Издательский центр «Азбуковник», 263 с.
- Мальшева И. А. (1997) Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, Хабаровский государственный педагогический институт, 182 с.
- Никитин О. В. (2004) Деловая письменность в истории русского языка (XI-XVIII вв.): Лингвистические очерки: Монография. М., Наука, 266 с.
- Новохатко О. В. (2018) Россия. Частная переписка XVII века. М., Памятники исторической мысли, 663 с.
- Новохатко О. В. (2019) Частная переписка в России XVII века. Преподаватель XXI век, № 1, с. 317–328.
- Пирогова А. В. (2011) Структура и формуляр дозорных книг Московского государства XVII века. Вестник Университета Российской академии образования, № 5, с. 148–151.

References

- Barakova O. V. (2003) Tamozhennye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII veka: struktura, yazykovoe oformlenii [Customs books of the Moscow state of the XVII century: structure, linguistic design]. Moscow Regional Pedagogical University, Moscow, 239 p. (In Russian).
- Kachalkin A. N. (2002) Nazvaniya dopetrovskih delovyh tekstov [The names of pre-Petrine business texts]. Russkaya Rech' – Russian Speech, no. 2, pp. 73–80 (In Russian).
- Kartavenko V. S. (2019) Sociolingvisticheskaya harakteristika Smolenskih pamyatnikov pis'mennosti XVI-XVII vekov [Sociolinguistic characteristics of the Smolensk monuments of writing of the XVI-XVII centuries]. Izvestia of Smolensk State University, no. 2 (46), pp. 87–99 (In Russian).
- Kolesov V. V. (2023) Drevnerusskij literaturnyj yazyk: uchebnik i praktikum [Old Russian literary language: textbook and practical course]. Moscow, Yurait Publ., 333 p. (In Russian).
- Kortava T. V. (1998) Moskovskij prikaznyj yazyk XVII veka kak osobyj tip pis'mennogo yazyka [The Moscow command language of the XVII century as a special type of written language]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 110 p. (In Russian).
- Kotkov S. I. (1980) Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 293 p. (In Russian).
- Kotkov S. I. (1991) Istochnikovedcheskie issledovaniya i nauchnoe izdanie pamyatnikov v oblasti russkogo yazyka [Source studies and scientific publication of monuments in the field of the Russian language]. V kn.: Istochniki po istorii russkogo yazyka XI-XVII vv. [In: Sources on the history of the Russian language of the XI-XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., pp. 3–14 (In Russian).
- Kozhina M. N. (2006) Stilistika istoricheskaya (diahronicheskaya) [Historical (diachronic) stylistics]. In: Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka [Stylistic encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Edited by M.N. Kozhina; members of the editorial board: E. A. Bazhenova, M. P. Kotyurova, A. P. Skovorodnikov. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 696 p. (In Russian).
- Kushneruk S. P. (2016) Dokumentnaya lingvistika [Documentary linguistics: a textbook]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 256 p. (In Russian).
- Larin B. A. (2005) Lekcii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X – seredina XVIII veka) [Lectures on the history of the Russian literary language (X – middle of the XVIII century): Textbook for philologists.

- specialties of the University and pedagogical institute]. St. Petersburg, Avalon, Azbuka-klassika Publ., 416 p. (In Russian).
- Majorov A. P. (2006) Oчерки leksiki regionalnoj delovoj pismennosti XVIII veka [Essays on the vocabulary of regional business writing of the 18th century]. Moscow, Publishing Center "Azbukovnik", 263 p. (In Russian).
- Malysheva I. A. (1997) Pamyatniki delovoj pis'mennosti XVIII veka kak ob'ekt lingvisticheskogo istochnikovedeniya [Monuments of business writing of the XVIII century as an object of linguistic source studies]. Khabarovsk State Pedagogical Institute Publ., Khabarovsk, 182 p. (In Russian).
- Nikitin O. V. (2004) Delovaya pismennost' v istorii russkogo yazyka XI-XVIII vv.: lingvisticheskie oчерki [Business writing in the history of the Russian language (XI-XVIII centuries): linguistic essays]. Monograph. Moscow, Science Publ., 266 p. (In Russian).
- Novokhatko O. V. (2018) Rossiya. Chastnaya perepiska XVII veka Russia [Private correspondence of the XVII century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 663 p. (In Russian).
- Novokhatko O. V. (2019) Chastnaya perepiska v Rossii XVII veka [Private correspondence in the XVII century Russia]. Prepodavatel XXI vek, no. 1, pp. 317–328 (In Russian).
- Pirogova A. V. (2011) Struktura i formulyar dozornyh knig Moskovskogo gosudarstva XVII veka [Structure and formulary of patrol books of the Moscow state of the 17th century]. Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya – Bulletin of the University of the Russian Academy of Education, no. 5, pp. 148–151 (In Russian).
- Volkov S. S. (2006) Stilevye sredstva delovoj pismennosti XVII v.: na material chelobitnyh [Style means of business writing of the XVII century: on the material of petitions]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 342 p. (In Russian).
- Vyhrystyuk M. S. (2013) Delovaya pismennost XVII-XVIII vv. G. Tobolska: leksiko-grammaticheskij aspekt [Business writing of the XVII-XVIII centuries of Tobolsk: Lexico-grammatical aspect]. Monograph. Tobolsk, Mendeleev Tobolsk State Social and Humanitarian Academy Publ., 328 p. (In Russian).
- Zinovieva E. I. (2000) Zapisnye kabalnye knigi Moskovskogo gosudarstva XVI-XVII vv.: Struktura. Leksika. Frazеologiya [The notebooks of the bonded books of the Moscow state of the XVI-XVII centuries: Structure. Vocabulary. Phraseology]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 200 p. (In Russian).

Информация об авторе

Рогожникова Татьяна Павловна

Доктор филологических наук, профессор.
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ.
ORCID ID: 0000-0002-4821-8987.
E-mail: pmtr@mail.ru

Autor's information

Tatyana P. Rogozhnikova

Dr. Sc. (Philology), Professor.
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian
Federation.
ORCID ID: 0000-0002-4821-8987.
E-mail: pmtr@mail.ru